

**Премия СПбГУ за научные труды
в номинации «за вклад в науку молодых исследователей»**

Вилинбахова Елена Леонидовна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания СПбГУ

Цикл работ на тему «Тавтологические и контрадикторные высказывания: структура и интерпретация»

1. Вилинбахова Е.Л. Когда статья – это не статья: «отрицательные тавтологии» в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Вып. 16 (23). Т. 2. С. 441-452. (SCOPUS)
<http://www.dialog-21.ru/media/3960/vilinbakhovael.pdf>
2. Вилинбахова Е.Л., Копотев М.В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110-124. (SCOPUS, WoS)
<http://www.issuesinlinguistics.ru/pubs/x-есть-x-значит-x-это-x-ищем-ответ-в-синхронии-и-диахронии>
3. Вилинбахова Е.Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания, 2016. № 2. С. 61-74. (SCOPUS)
<http://www.issuesinlinguistics.ru/pubs/сопоставительные-тавтологии-в-русском-языке>
4. Вилинбахова Е.Л. Как говорится, статья есть статья: некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2016. Вып. 15 (22). Т. 1. С. 817-829. (SCOPUS).
<http://www.dialog-21.ru/media/3439/vilinbakhovael.pdf>
5. Вилинбахова Е.Л. Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 2015. Вып. 14 (21). Т. 1. С. 626-637. (SCOPUS)
<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/VilinbakhovaEL.pdf>

Аннотация:

Настоящая работа, включающая статьи за 2015–2017 гг., посвящена классу тавтологических и контрадикторных высказываний вида *Друзья есть друзья* и *Без детей человек не человек*. Анализ их структуры и значения требует выхода за пределы рамок традиционной пропозициональной семантики, поскольку в буквальном смысле они аномальны и неинформативны. Тем не менее, говорящие активно используют такие конструкции для достижения своих коммуникативных целей, например, в политическом дискурсе.

Тавтологические и контрадикторные высказывания неоднократно становились объектом лингвистических исследований, где обсуждались вопросы, связанные с механизмом их интерпретации, возможностью их перевода с одного языка на другой без потери смысла, влиянием контекста и лексического наполнения конструкций на возможные инференции и т.д., см. [Grice 1975, Levinson 1983, Wierzbicka 1987, Gibbs, McCarrell 1990, Ward, Hirschberg 1991, Miki 1996, Bulhof, Gimbel 2001, Meibauer 2008, Rhodes 2009], а также отечественные исследования [Мельчук 1974; Николина 1984; Wierzbicka 1987, 1988, 1991; Апресян 1995; Miki 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Падучева

2004; Санников 2008; Шеманаева 2010; Иомдин 2013, 2017] и др., однако некоторые вопросы оставались нерешенными. Они и стали предметом рассмотрения в данной работе.

Во-первых, были проанализированы конструкции, которые до сих пор не привлекали внимание исследователей. Например, метаязыковые тавтологии отличаются от других тавтологий тем, что дают характеристику языковому знаку, а не объектам действительности, например: *Ну у нас всё просто... хочу есть значит хочу есть... а не своди меня в ресторан*. Используя данные конструкции в речи, говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него, а именно: эвфемизации, иронии и гиперболы. Поскольку в значение МТ входит апелляция к наиболее общепринятому значению, изучение данных конструкций позволяет пролить свет на то, какие значения многозначных слов говорящие считают главными, исходными, подобно тому как тавтологии первого и второго ряда используются для изучения стереотипных представлений об объектах и ситуациях. В русском языке метаязыковые тавтологии представлены синтаксическими моделями *X значит X*, *X означает X* и *X – это X*, которые отграничиваются от омонимичных конструкций по семантико-прагматическим признакам.

Следующая разновидность языковых тавтологий включает не одну, а две пары повторяющихся элементов, например: *Книга — это книга, а фильм — это фильм*. Для данных конструкций был предложен термин «сопоставительные тавтологии», так как прототипической является модель *X соп X*, а *Y соп Y* с *a* сопоставления [Падучева, Крейдлин 1974], которая может заменять собой другие возможные модели *X соп X*, *но Y соп Y* и *X соп X*, *Y соп Y* с союзом *но* и бессоюзной связью. В качестве составляющих в СТ представлены три класса простых тавтологий в русском языке (наиболее распространенные модели данных классов — соответственно *X есть X*, *X это X* и *X значит X*). Общее значение СТ — передача различия двух сущностей и указание на их несовместимость, несопоставимость или неравноценность. Еще одним кандидатом в СТ является уступительно-противительная конструкция *X X-ом, а Y Y-ом*, которая имеет близкое значение и допускает замену на СТ; представляется возможным включить данную конструкцию в класс СТ, несмотря на структурные отличия ее конъюнктов.

В третьей статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые аспекты функционирования языковых тавтологий в коммуникации, чтобы показать, зачем говорящему использовать данные конструкции в речи и какие преимущества он при этом получает. Было установлено, во-первых, что тавтологические высказывания могут быть поданы как общеизвестные клише, передавая при этом личное мнение их автора. Во-вторых, говорящий, используя тавтологии как отсылку к общим фоновым знаниям, в одностороннем порядке навязывает собеседнику роль своего единомышленника. В-третьих, очевидная истинность конструкций в буквальном значении даёт возможность автору высказывания при необходимости апеллировать именно к этому «верному по определению» значению, отрицая возможные импликатуры; представить свою точку зрения как единственно правильную; положить конец нежелательной дискуссии. В свою очередь, адресат оказывается в ситуации, когда несогласие с говорящим может представить его в неприглядном свете, будучи воспринято либо как отрицание общеизвестной прописной истины, либо как отказ в ожидаемой солидарности и поддержке, либо как спор с логически неопровержимым суждением.

Далее в совместной работе с М.В. Копотевым был проведён расширенный и углубленный анализ тавтологий *X есть X* и *X это X* с привлечением диахронических и синхронических данных из Национального корпуса русского языка, включающий: (а) этапы формирования и развития конструкций в русском языке (с учетом уже ушедшего варианта *X суть X*); (б) частотность разных синтаксических групп в качестве переменных *X* (по данным Национального корпуса русского языка); (в) ограничения на употребление синтаксических групп в обеих конструкциях и (г) семантические и прагматические особенности двух конструкций, см. [Вилинбахова, Копотев 2017].

Наконец, были проанализированы конструкции, которые до сих пор не привлекали внимание исследователей, а именно, контрадикторные высказывания вида *Без детей человек не человек* (И. Бунин). Они используются, чтобы подчеркнуть, что альтернативное тавтологическое высказывание *X сор X* не подходит для обозначения описываемой ситуации, т.к. (а) референт языкового выражения *X* вообще не принадлежит к категории *x*; (б) характеристики референта языкового выражения *X* или его восприятие отличаются от нормы; (в) языковая единица *X* не используется в своем основном значении, см. [Вилинбахова 2017].

Для решения поставленных задач используются как традиционные в данной области методы исследования, в т.ч. интроспекция, корпусный анализ, так и опросы носителей языка, которые получили меньше внимания в предшествующих работах.

Результаты исследований важны как для описания фрагмента русской грамматики, так и в более широком контексте, поскольку привнесут новые знания в общий фонд сведений об инференциальных механизмах, задействованных в разрешении семантических конфликтов и способствуют лучшему пониманию процессов восприятия речи.